

Николай КАПИТАНОВ

* * *

Не покидай меня до срока,
пока мы рядом, на земле.
Речная мёрзлая осока
звенит стеклянно в полумгле.

Из сердца вырви ту дорогу,
что пролегла в далёкий край.
Я заглушу в себе тревогу,
лишь ты меня не покидай.

Ты по тропе, от снега зыбкой,
взойди на белое крыльцо
и озари простой улыбкой
своё усталое лицо.

Пусть ветер колкий в окна бьётся –
не говори, что всё прошло.
И заживёт, и встрепенётся
твоё подбитое крыло.

Не уходи за те пороги,
где всё сорвётся в глубину.
А лучше свяжем две дороги,
как вьюги белые, в одну

* * *

Постучусь, как зябнущая птица,
от волнения не чуя сил.
Выйдет по скрипучим половицам
женщина, которую любил.

Кротко оглядит меня и скажет,
узелок на шали теребя:
«Я тебя не вспоминала даже.
Слишком долго не было тебя.

И любовь свою не окликала
сквозь туманы белые вдали.
Раньше о тебе тайком вздыхала.
Но прошли года, как корабли».

А потом – недужное молчанье.
На исходе северного дня -
ласково коснется на прощанье
пальцами дрожащими меня.

И пойду неспешно по равнине,
наугад в вечерний снегопад –
одинокий, брошенный отныне.
И она не позовет назад.

Оглянусь на свет знакомой хаты,
ощущая жжение в груди.
И не скажет женщина: «Куда ты?
Вон какая темень впереди».

* * *

Родной простор всё ближе, ближе.
Иду под шелест ласковых осин.
Ещё немного - и с холма увижу
родной деревни поредевший клин.

Каким волнением сердце моё сжато!
Здесь жизнь была под зеленью берёз.
Я рано поутру вставал когда-то
и ноги окунал в прохладу рос.

И - стадо прогонял коров, бывало,
когда сверкали первые лучи.
И мать потом к столу нас созывала.
Из печки доставала калачи.

Судьба тогда, как дерево, скрипела
и набиралась силы на земле.
И молодость моя в рубашке белой
бродила за околицей во мгле...

Куда-то всё ушло и растворилось
в непостижимом сумраке времён.
Последняя, видать, осталась милость —
родной приют да этот небосклон.

Ах, думы горькие нежданно всплыли,
исчезнув снова в солнечном дыму.
В краю родном меня давно забыли.
А там, в чужом, - не нужен никому.

* * *

Впервые уснул без надежды,
согнувшись у самой стены.
В углу оставались одежды
его ненаглядной жены.

Ах, если б вернулась родная
нежданно в жилище свое!..
И думал, тоску унимая,
что больше не будет её.

Не будет. Зачем тогда ветер
и солнце в дали голубой?
Нет счастья на всём белом свете,
когда нет любимой с тобой.

Ушла – как закончила повесть
(хотя он ее не читал).
И мучила, мучила совесть:
быть может, жену обижал?

Ворочался долго и трудно,
бросая судьбу на весы.
Надежда спала беспробудно,
лишь громко стучали часы.

* * *

Заулок. Вечер. Дремлют лопухи.
И так отрадно видеть род навесом –
пилу, топор и красный срез ольхи,
что пахнет сыростью и свежим лесом.

Опилоч россыпь, дюжина клячей –
у козел, растопыренных, как пальцы.
За синий холм, за рощу, за ручей
уходят тихо облака-скитальцы.

Хочу свою поленницу сложить,
как годы жизни, прямо у сарая.
Дорога полем пролегла, как нить.
и меркнет солнце, быстро догорая.

Покой деревни – мил он и велик,
когда уже безмолвствуют просторы
да вязнут в отдаленье разговоры.
Лишь где-то голос подаёт кулик.

Туман в низине – белою стеной.
И спать в траве уляжется тревога.
И это – жизнь в провинции родной.
Здесь ближе до небес, до звезд,
до Бога.

* * *

Как пройти сквозь родное село
и не встретить знакомых у чайной?
Я скажу, что меня занесло
в этот угол медвежий случайно.

Ты раздеться велишь и поставишь на стол
самовар да халву из сельмага.
За окном – затуманенный дол
и ветла у сырого оврага.

И меня осторожно расспросишь про жизнь –
с кем сходилась, враждуя и ладя?
После скажешь тихонько: «Ложись...»
И вздохнёшь обречённо, не глядя.

А по улице ветер листву разметёт,
засвистит, в переулках, играя.
Ты уткнёшься в плечо. Как же жжёт
память, в воздухе синем сгорая!

Может, ночь нас навек помирит?
Вздригнешь ты и замрёшь на мгновенье.
- Ничего, это сердце немного болит.
Помолись за меня в отдаленье...

Нас студёный безмолвный разбудит рассвет.
И в душе защежит – знать, дорога...
Уходя, разгляжу сквозь густой фиолет,
как, прощаясь, стоишь у порога.

Неужели вот так пропаду в кутерьме?
Жизнь – она, как сплошная завеса.
Ну, оклики меня, пока я – на холме.
На последнем, у синего леса!

* * *

Приду сюда, в святое бытиё,
когда закружит лиственная вьюга.
Село увижу тихое моё
за краем увядающего луга.

Здесь всё моё – с рожденья
до креста:
дорога вдаль, заметная до леса,
тумана непроглядная завеса
да расставанья первая верста.

Найду тень дома, что давно снесли,
и старый сруб забытого колодца.
Ведь горький хлеб моей родной
земли
всего дороже был и остается.

В чужом дому – дорогу дам лучу,
открою в поле высохшие ставни.
Ушедшим, всем, в углу свечу
поставлю –
ведь кто-то и за нас зажжёт свечу.

Я всех люблю, с печалью на челе,
осознавая краткость нашей жизни.
По всем, кто жил со мною на земле, -
вздыхну легко, светло, без укоризны.

Как много здесь прибавилось могил,
в моём краю, и время стало строже.
Ах, если б я отсель не уходил,
какую б жизнь тогда я, верно,
прожил!

3 ОКТЯБРЯ

А помнишь, друг мой, 3 октября,
событий роковую огневицу?
Уже надежды брезжила заря.
Но танки утром въехали в столицу.

И содрогнулся Белый дом тогда.
И вся Россия ужас затаила.
В холодном небе, стылом, как слюда,
воронья стая с криками кружила.

И красный флаг, последний, падал ниц.
И кровь текла по этажам рекою.
Зря торжествует армия убийц.
Не будет ни забвенья, ни покоя.

Не верь тому, кто «кончено» сказал.
Созреет огонь в таинственном сосуде.
И жди – ещё ударит залп,
который всю страну мою разбудит.

И озарят холодный небосвод
бои на Красной Пресне – не парады.
И те, кто смертью пал в тот чёрный год,
с живыми встанут вновь на баррикады.

А колос правды – он уже пророс.
Так значит, жди святого Воскресенья.
И чашу даст нам, каждому, Христос.
Но никому не будет утоленья.

* * *

Опять в краю родном я мимоходом.
и, расставаясь, снова ухожу.
Летит листва под серым небосводом
и падает неслышно на межу.

От горьких дум и память не спасает.
Здесь всё навек остыло и прошло.
И туч гряда над лесом нависает
и движется, как новость, на село.

Беда, беда над нашими полями.
Не зря и ворон медленно кружит.
Свою судьбу мы выбираем сами.
А от неё кто смертный убежит?

Я знаю, счастьем снова не вернуться
на лоно этой брошенной земли.
Лишь еще сонно над цветами вьются
тяжелые гудящие шмели.

Не знаю, что с Отчизной и со мною.
а только время сумрачней и злей.
И над равниной, тощею, больною,
уносит ветер крики журавлей.

2007

* * *

Вот уж сложены вещи в машину.
Не спеша - дом закрыл на замок.
На прощанье погладил осину,
что роняла листву на песок.

Вроде всё погрузил – и пожитки,
и надежды свои, и года.
А под сенью старинной калитки
синевую блестела вода.

Он вздохнул обречённо, не веря,
что выходит назначенный срок.
И от старой разохшейся двери
улетит, как засохший листок.

Вот уже незнакомые ветры
холодят и тревожат простор.
Побегут, полетят километры,
унося за родимый угор.

Растворится судьба, как в затоне,
будто здесь – не родился, не жил.
Только ключ из дрожащей ладони –
не в карман – под валун положил.

Знать, осталось немного любить
и скорбеть.
Выдувает тепло свежий ветер с полей.
Вот и листьев осенних печальная медь
заставляет лететь в дальний край журавлей.

В эти дни голубые легко вспоминаю тебя.
Сладок дым расставаний,
И трогает сердце тоска.
Вдаль уносятся птицы, тревожно трубя.
И под небом пустынна немая река.

У проезжего тракта остался один колосок –
сирота и свидетель всех нынешних бед.
Я целую дорогу, и падают слёзы в песок.
Ни тебя, ни следов твоих призрачных нет.

* * *

Пригож и свеж простор долины.
Смолк птиц вечерний разговор.
И солнце золотит вершины
далёких изумрудных гор.

Ты ласково глядишь, родная,
и в мир теней, и на меня.
Сказала:

- Как жила одна я,
без воли в сердце и огня?

Плечом легонько прислонилась,
дыханьем близким обожгла.
- Не эта ль жизнь мне часто снилась,
не эта ль даль меня звала?

Как просто – выйти и взглядеться
в красоты мира под луной,
и никуда уже не деться
от светлой радости земной...

Уже белёдые туманы
клубились густо у пруда.
И на селенье, на поляны
глядела первая звезда.

* * *

А на равнине снова кутерьма.
Синеет мрак над снежными полями.
И проступают в воздухе дома,
как призраки, за дальними холмами.

Здесь родина забытая моя
свой долгий век неспешно доживает.
И мать моя умершая витает
над брэнностью земного бытия.

Спи, матушка, спокойно, не предам
родных огней и пашен за деревней,
где ветер шарит по пустым садам,
раскачивая голые деревья.

Иду туда, где дома нет давно,
и не могу порогу поклониться.
В чужое постучусь окно,
как ночью заблудившаяся птица.

Я покажу озябшее лицо.
Чуть дрогнет замерзающая рама.
И поднимусь устало на крыльцо.
И кто-то мне откроет дверь.
Не мама.

* * *

А прошлого ты больше не зови.
В осеннем воздухе сквозит унылость.
Закат тревожный, кажется, в крови.
Да и грядущий день сулит не милость.

Неужто все надежды позади,
и утро светлое не разгорится?
Пусть полыхнет нечаянно зарница
и отзовется радостью в груди!

Но всё - в объятьях мёртвой тишины.
И души затуманены, разъяты.
Когда свершится верный час расплаты
за это поругание страны?

А час придёт – суровый, как ЧК,
когда закон уже не будет в праве...
И выше правды грозного штыка
не будет ничего в моей державе...

Кружит над нашим полем вороньё.
И сожжены назад все переправы.
Вставай, вставай, Отечество моё!
Настало время гибели иль славы.

* * *

Суббота. Банный день справляю.
Дрова ношу. Растапливаю печь.
Кипит вода. Я крышку открываю
котла, что удалось сберечь.

Ведь воры рыщут по округе,
сродни татарам Золотой Орды.
Забудь на время о жене, о друге,
когда плеснёшь на камешки воды.

И пар повалит, как из преисподни,
и тотчас жаром опалит всего.
Нет, здорово, что банный день сегодня,
и я сейчас справляю торжество.

Как очумелый - выскочу в предбанник.
Скорей на волю – свежести вдохнуть!
А дома – чай, и я, благоуханный,
ломаю бублик. Время отдохнуть.

Эх, что ни говори – житьё в деревне
имеет смысл и радует подчас.
Благословенен будь, обычай древний,
оберегающий от хвори нас!

* * *

Вернусь сюда – с грозою, с облаками.
В прихожей плащ промоченный сниму.
Прильну к тебе и жаркими губами
найду твои. И - жарко обниму.

И ты опять противиться не станешь,
дозволишь всё, желанье не тая.
И руку к выключателю протянешь.
И скажешь, раздеваясь: «Я – твоя».

В пустынном зале сумрак занавесим.
Дождинки глухо стукнут по окну.
Мы судьбы наши, дорогая, взвесим.
И, может быть, соединим в одну.

Счастливые, проснёмся на рассвете,
не веря всё ж, наверное, тому,
что не уйдут, как сон, мгновенья эти
и не исчезнут в призрачном дыму...

Мечта ко мне явилась ниоткуда.
Да и года сгорают, как в огне.
Но всё порой сбывается, как чудо,
лишь только руки протяни ко мне.

2014

* * *

Вот и наступает, как цунами,
мусор слов, бессмысленных бумаг.
Реет флаг предателей над нами,
выроненный власовцами флаг.

Как его подняли «демократы» -
ярые поборники свободы!
Рыцари наживы, плуты, хваты,
дурью охмутившие народ.

Прошлое – с избытком обличили,
горизонт надежд раздвинув вширь.
Омбудсмены, где ж вы раньше были?
Где глушили водку и «чифирь»?

«Демократ» - он не боец, не витязь,
а посланец непроглядной тьмы.
Даже тени Сталина боитесь,
кандидаты снежной Колымы.

Пусть же хрустнут памяти суставы.
А с народом – лучше не играй.
И пойдут, пойдут ещё составы
в тот далёкий магаданский край!

2009

* * *

Всё, что было со мной, ничего не забыть,
закрывая скрипучие двери.
И по первому снегу в рассвет уходить,
в возвращение скорое веря.

Впереди - ни просвета, ни в небе звезды.
Только память свежа о разлуке.
Замерзают дороги, канавы, пруды.
И ноябрьский мороз студит руки.

Как ты там? – представляю себе.
Спать легла или печь затопила?
Ветер воет, наверно, в остывшей трубе,
и дрожат, как живые, стропила.

Что-то так защемило внезапно в груди:
а куда я иду, от кого же?
И зима, как судьба. вся ещё впереди.
И душа холодеет до дрожи.

Повернуть бы назад, в этот рай
на земле,
где есть ты, тёплый дом и забота.
Но зачем-то иду, одинокий. во мгле
сквозь незримые жизни ворота...

Вот и станция. Свет вдали фонарей
Снег идёт, залепляет мне веки.
Дни летели б в разлуке скорей.
А вернусь – не расстанусь вовеки.

* * *

Вчера ты, молчаливая, ушла
и в осень, и в судьбу совсем иную.
Сронила одинокая ветла
свою листву на землю ледяную.

И сумерки упали тяжело
на все дороги и долины края.
Лишь вопреки по-прежнему светло
горит рябина прямо у сарая.

И горько думать у родной межи,
за синими пустынными лесами:
не всё ль равно, чем раньше в мире жил,
коль нет тебя со мной под небесами.

А на юру порывистый, шальной
дым из трубы печной витает.
Летит журавль над заводью речной
и никого уже не окликает.

* * *

Думал, уже не придётся
в край возвратиться родной.
Сердце взволнованно бьётся:
вот он, приют мой земной!

Вот и родные ракиты
возле заросшей реки.
Солнцем июньским обвиты,
дремлют цветов лепестки.

Вроде бы так же, как было
в давние годы мои.
Так же с безудержным пылом
в чаще поют соловьи.

Улица. Дом за сиренью
да палисад у окон.
Свет всех надежд и спасенье -
тишь за родимым селом.

Станет понятней и ближе
мир, что уютен и прост.
Сколько людей не увижу –
тех, кто ушёл на погост...

Мать и отец, ваши души
тоже витают вдали.
Время безжалостно рушит
старые сказки земли...

Дверь. Полутёмные сени.
Утварь и дух избяной.
Кончились все потрясения –
я возвратился домой!

* * *

Едва лишь сумрак ляжет на равнине,
туман забелит сонные луга.
И поплывут, как призраки, в долине
глухие островерхие стога.

И воцарится вдруг оцепененье.
Звезда взойдёт мерцающим крестом.
Сыч пролетит и ухнет в отдаленье,
в лесу скрываясь, тёмном и густом.

Пойду неспешно в сторону заката,
по тем местам, что в детстве я любил.
Наверно, будет горькая расплата
за то, что я отсюда уходил.

В чужих краях меня не привечали.
Тогда зачем я счастье там искал?
А жил бы здесь – не ведал бы печали
и по потерям так не тосковал.

Сойду с дороги и на камень сяду.
И долго буду думать о былом.
Что дал Господь мне родину в награду
и землю ту, и небо над селом.

И - жил бы здесь не бедно, не убого,
здоровых набираясь сил.
Ведь было счастья дадено так много!
А я всё это по ветру пустил.

* * *

Жду тебя. И я уже не в силах
жить в разлуке долго – день за днём.
Помню, уезжая, ты просила,
чтобы не жалел я ни о чём.

Как мне не хотелось расставаться!
Если б мог тот поезд отменить...
Мы найдём друг друга, может статься.
Как же можно прошлое забыть?

Дорожи, подруга, днём останним.
Я держусь, не плачу, что есть сил.
Крик электровоза утром ранним
раненное сердце уронил.

Где тебя на дальнем перегоне
затеряло – не сыскать следа?
Только осень жёлтая уронит
Первый лист на зеркало пруда.

Мне бы жить, не ведая печали,
не с тобой, а с женщиной другой.
Но всплывает из далёкой дали
образ твой, любимый и родной.

ЗВУКИ

На ветках зябких деревьев вызрела
осень.
Солнце потеряло чудо изначального
сияния,
и леса, утратившие многозвучие птиц,
отозвались последним неслышным
воплем.
...Зима явилась внезапно –
и звуки повисли в белом воздухе
декабря,
среди всеобщего безмолвия природы...
Я не знаю, что стряслось бы с миром,
навсегда потерявши звуки деревьев
и крики птиц.
Но весной, грядущей весной
леса, мытые прохладными ливнями,
вновь обретут своё цветное звучание
и первозданную свежесть листвы.
Даже рыбы, разговаривающие на языке
водорослей,
вернут воде утраченную речь.
А ты говоришь, что всё уходит
безвозвратно...

* * *

Знать, осталось немного любить
и скорбеть.
Выдувает тепло свежий ветер
с полей.
Вот и листьев осенних печальная медь
заставляет лететь в дальний край
журавлей.

В эти дни голубые легко вспоминаю
тебя.
Сладок дым расставаний,
и трогает сердце тоска.
Вдаль уносятся птицы, тревожно трубя.
И под небом пустынна немая река.

У проезжего тракта остался один
колосок –
сирота и свидетель всех нынешних
бед.
Я целую дорогу, и падают слёзы
в песок.
Ни тебя, ни следов твоих призрачных
нет.

* * *

Пора июля, как ты дорога!
Окрестности полны вечерней сини.
И сквозь туман едва видны стога.
И бродит конь, один, на луговине.

А в чистом небе - всполохи зарниц,
как будто молнии вдали сверкают.
И голоса в траве полночных птиц
то зазвучат, то снова замолкают.

Сырой прохладой тянет от реки,
что всё течёт, пересекает годы.
А вдалеке, на взгорье, - огоньки.
И веет духом подлинной свободы.

В траве высокой скрипнет коростель.
И отзовется сыч в лесу спросонку.
Спасибо тебе, русская сторонка,
что счастья не убавила досель!

2013

* * *

Как душа моя на свет явилась?
Во вселенной вспыхнула огнём.
Жизнь в меня вдохнула Божья сила
и ушла в небесный окоём.

Я остался на земле, как странник,
ищущий приюта и тепла.
Уж давно осыпался ольшаник.
Даже осень поздняя прошла.

Как я жил? Не так же мне хотелось –
словно не осталось ничего.
Злые языки метели белой
достают до сердца моего.

Душу выхолаживает ветер.
А погреться – некуда пойти.
Это всё, что выпало на свете,
но другого не было пути.

А вдали как будто что-то светит
и зовёт сквозь эту полутьму.
Может быть, Христос меня приветит,
когда путь проляжет мой к Нему.

* * *

Как жить, когда поля давно пусты,
и рожь на них уже не колосится?
На чёрные и свежие пласты
земли грач больше не садится.

Не проскрипит с лугов тяжёлый воз.
Не вспыхнет смех вдали, за переправой.
И люди не идут на сенокос
весёлою, нарядною оравой.

Твой дом разорен, и года прошли.
Но память всё становится живее.
Комбайн забытый у межи ржавеет.
Лишь призрак жизни видится вдали.

Обдаст в июле жаркий суховей.
Иль напроорочит дождь угрюмый ворон...
Враги глумятся нал землёй моей.
И этот мрак рассеется не скоро.

Но ты живи, покуда силы есть.
Встаёт перед тобою выбор снова.
Позор молчанья или бунта честь –
что выберёшь, дружище, в час
суровый?

* * *

Когда в лицо ударил холодный
со звёздами ветер – не отвернулся,
а упрямо стоял, глядя на дом
в конце улицы.
Пошагал вперёд, придерживая рукой
шляпу.
Снова порыв ветра. С крыши
посыпались яркие звёзды –
на асфальт, ему под ноги.

* * *

Как жить, когда поля давно пусты,
и рожь на них уже не колосится?
На чёрные и свежие пласты
земли грач больше не садится.

Не проскрипит с лугов тяжёлый воз.
Не вспыхнет смех вдали, за переправой.
И люди не идут на сенокос
весёлою, нарядною оравой.

Твой дом разорен, и года прошли.
Но память всё становится живее.
Комбайн забытый у межи ржавеет.
Лишь призрак жизни видится вдали.

Обдаст в июле жаркий суховей.
Иль напроорочит дождь угрюмый ворон...
Враги глумятся нал землёй моей.
И этот мрак рассеется не скоро.

Но ты живи, покуда силы есть.
Встаёт перед тобою выбор снова.
Позор молчанья или бунта честь –
что выберёшь, дружище, в час
суровый?

* * *

Заулок. Вечер. Дремлют лопухи.
И так отрадно видеть род навесом –
пилу, топор и красный срез ольхи,
что пахнет сыростью и свежим лесом.

Опилоч россыпь, дюжина клячей –
у козел, растопыренных, как пальцы.
За синий холм, за рощу, за ручей
уходят тихо облака-скитальцы.

Хочу свою поленницу сложить,
как годы жизни, прямо у сарая.
Дорога полем пролегла, как нить.
и меркнет солнце, быстро догорая.

Покой деревни – мил он и велик,
когда уже безмолвствуют просторы
да вязнут в отдаленье разговоры.
Лишь где-то голос подаёт кулик.

Туман в низине – белую стеной.
И спать в траве уляжется тревога.
И это – жизнь в провинции родной.
Здесь ближе до небес, до звезд,
до Бога.

* * *

Приду сюда, в святое бытиё,
когда закружит лиственная вьюга.
Село увижу тихое моё
за краем увядающего луга.

Здесь всё моё – с рожденья
до креста:
дорога вдаль, заметная до леса,
тумана непроглядная завеса
да расставанья первая верста.

Найду тень дома, что давно снесли,
и старый сруб забытого колодца.
Ведь горький хлеб моей родной
земли
всего дороже был и остается.

В чужом дому – дорогу дам лучу,
открою в поле высохшие ставни.
Ушедшим, всем, в углу свечу
поставлю –
ведь кто-то и за нас зажжёт свечу.

Я всех люблю, с печалью на челе,
осознавая краткость нашей жизни.
По всем, кто жил со мною на земле, -
вздохну легко, светло, без укоризны.

Как много здесь прибавилось могил,
в моём краю, и время стало строже.
Ах, если б я отсель не уходил,
какую б жизнь тогда я, верно,
прожил!

* * *

Опять в краю родном я мимоходом.
и, расставаясь, снова ухожу.
Летит листва под серым небосводом
и падает неслышно на межу.

От горьких дум и память не спасает.
Здесь всё навек остыло и прошло.
И туч гряда над лесом нависает
и движется, как новость, на село.

Беда, беда над нашими полями.
Не зря и ворон медленно кружит.
Свою судьбу мы выбираем сами.
А от неё кто смертный убежит?

Я знаю, счастьем снова не вернуться
на лоно этой брошенной земли.
Лишь еще сонно над цветами вьются
тяжелые гудящие шмели.

Не знаю, что с Отчиной и со мною.
а только время сумрачней и злей.
И над равниной, тощею, больною,
уносит ветер крики журавлей.

2007

Знать, осталось немного любить
и скорбеть.
Выдувает тепло свежий ветер с полей.
Вот и листьев осенних печальная медь
заставляет лететь в дальний край журавлей.

В эти дни голубые легко вспоминаю тебя.
Сладок дым расставаний,
И трогает сердце тоска.
Вдаль уносятся птицы, тревожно трубя.
И под небом пустынна немая река.

У проезжего тракта остался один колосок –
сирота и свидетель всех нынешних бед.
Я целую дорогу, и падают слёзы в песок.
Ни тебя, ни следов твоих призрачных нет.

* * *

Вот и наступает, как цунами,
мусор слов, бессмысленных бумаг.
Реет флаг предателей над нами,
выроненный власовцами флаг.

Как его подняли «демократы» -
ярые поборники свободы!
Рыцари наживы, плуты, хваты,
дурью охмутившие народ.

Прошлое – с избытком обличили,
горизонт надежд раздвинув вширь.
Омбудсмены, где ж вы раньше были?
Где глушили водку и «чифирь»?

«Демократ» - он не боец, не витязь,
а посланец непроглядной тьмы.
Даже тени Сталина боитесь,
кандидаты снежной Колымы.

Пусть же хрустнут памяти суставы.
А с народом – лучше не играй.
И пойдут, пойдут ещё составы
в тот далёкий магаданский край!

2009

* * *

Ты печалью меня не задень.
Я и сам эту горечь познаю.
Полюбил я огни деревень,
что сквозь воздух прозрачный
сияют.

Помню, я уходил в темноте
под тревожные звуки метели.
А вдали, на безвестной версте,
фонари ещё ярко горели.

Где-то было другое село.
Жизнь была. (А теперь – лишь руины).
И душе становилось тепло
среди снежной холодной равнины.

Нынче редко деревню найдёшь.
Власть не любит деревни России.
И теперь под метели косые –
тихой грустью меня не тревожь.

Затопила просторы страны
тьма зловещая, тьма роковая.
Сквозь неё ни черта не видны
ни проекты, ни новь молодая.

Эту тину, поди ж ты, не тронь.
Лысый кучер дороги не знает.
И, уж точно, безумный гадает:
где растянется загнанный конь?

* * *

Кто поверит, что ты
был наивен и чист
Пред дорогой во тьму,
перед жизнью земной,
Я на древе судьбы –
желтый скрученный лист,
И сорвет меня ветер,
и бросит во мрак ледяной.

Перелетные птицы летят на закат,
рассекая пространство
на лето и стынь.
Через поздний глухой
сентября звездопад
меня встретит вселенская синь.

Как себя на корню
уберечь, удержать,
если ветер времен
так и ломит деревья?
Нам в далеких мирах
Вновь рассветы встречать.
Здесь останемся мы,
Как стихи и поверья.

* * *

Мужики луга в скирду сложили,
где гудели грузные шмели.
На телегу лето погрузили.
Вдоль реки со скрипом повезли.

Отдых – заработали, законно.
Захотелось в воду, в глубину.
В заводи вечерней, полусонной
всплескивала щука тишину.

Искупались весело – как дети.
Радостными вышли на песок.
Завершая светлый день на свете,
вечерел таинственный восток.

Кто-то молвил:

- Хороша водица!

Жить дивья, коль рядом есть река...
А закат светил им прямо в лица,
озарял дорогу, облака.

На телегах затряслись к деревне.
Пыль клубилась (это видел сам).
И смежили листья все деревья,
воздевая ветви к небесам.

* * *

Мы сидели с тобой, не проронив
ни слова.
Сквозь толщу молчания слышно было,
как тюкала вода из крана –
капля за каплей.
- Вот и всё, - произнесла ты, вставая...
На стене громче обычного стучали
часы.
Я подошёл и остановил маятник.

* * *

На закат гляжу у рощи белой.
Красный отблеск на реке, вдали.
И уже немолодое тело
чует холод от сырой земли.

За туманом спрячется излука.
Дальний стог схоронится от глаз.
Знает сердце, что придёт разлука
с тем, что мне так дорого сейчас.

Свет берёз, зелёная обитель.
Горькая, измученная Русь!
Я уже почти не здешний житель,
но пока за шар земной держусь

А потом ослабнет притяженье
даже здесь, в родимой стороне.
Поплыву в иные измерения,
что когда-то видел я во сне.

Может быть, неожиданно затоскую
всей тревожной сущностью души.
Не увижу Землю голубую
из ещё неведомой глуши.

Будет Млечный Путь сиять, как небыль.
Этому пространству где предел?!
И не ты ль в загадочное небо
по ночам восторженно глядел?..

Не страшусь, не думаю о смерти.
Говорить «прощайтё» - воздержусь.
Может, из вселенской круговерти
Я ещё когда-то возвращусь.

Будет так же: роща, вечер алый
за родным приземистым селом.
Жизнь моя опять пойдёт сначала.
Но уже не вспомню о былом.

2012 г.

НА НОЧНОМ ВОКЗАЛЕ

Спят вповалку:

на скамьях, на полу,
положив под головы чемоданы
и свои надежды на возвращение.
Кто-то у стойки, откупорив пиво,
смакует короткий остаток времени.
Другие, заслышав поезд,
стремглав бросаются к выходу –
и растворяются в чёрном проёме.
Все делают вид, что им ни до кого
нет дела,
только лица напряжены,
словно перед прыжком в бесконечность.

* * *

- На руки! – ревела толпа,
вываливаясь из зала.
Улицу захлёстывал тёмный поток.
Толпа гудела, бурлила, подбрасывая
кумира.
Но никто не заметил, что у него
с ноги свалился ботинок.

* * *

Не могу смотреть, как люди стонут
по ночам в подвалах и в огне.
Ведь война – такой зловещий омут.
Человек звереет на войне.

Я, простой боец, бунтарь запаса,
как приказ, далёкий зов приму.
Помолюсь за жителей Донбасса.
Автомат заряженный возьму.

И прости, Господь, меня за ярость,
что вложу в губительный огонь.
Я не молод, меня держит старость
за ещё горячую ладонь.

- Эх, гуляй, душа, во поле бранном! –
так решает русский человек.
Нынче жив, а завтра, как ни странно,
может, не отроешь больше век.

Я б лежал, как витязь из былины,
светлым ликом в неба глубину.
Только б знать, что больше Украина
не разрушит «Градом» тишину...

На войну уходят, всех прощая,
не давая клятвы и надежд.
Может, там моя передовая,
мой последний огненный рубеж.

10. 06. 15 г.

* * *

Небо опять сыреет.
Клён полыхнёт огнём.
Может, тебя согрею
этим сентябрьским днём.

Осень – пора поэтов.
И в небе тоскливый гусь
ищет и не находит лето
в стране под именем Русь.

Ветер круженье множит
листьев, падающих во мгле.
Мы ведь с тобою тоже –
странники на земле.

Оттуда, где холодеют дали,
чудится плач или смех.
Но ли нас навек потеряли,
то ли мы растеряли всех.

А вереница лет всё тоньше
в тусклом просвете дня.
Ты хоть живи подольше,
не покидай, меня.

Вечером – печь затопим.
Свет озарит жильё.
Будем в дожди и в топи
счастье хранить своё.

2013

* * *

Вчера ещё жгли «демократы»
бумаги, готовясь удрать
в заморские чудо-палаты,
где золота не сосчитать.

И хмурились грозные тучи
над городом, полным тревог.
И солнца пусть маленький лучик
на землю пробиться не мог.

Но что-то сошлось в мирозданье,
и вышел назначенный срок.
Гудящее пламя восстания
уверенно кто-то зажжёт.

И слушая чьи-то призывы,
рабочий с волнением встал.
«Мятеж! – повторял он, счастливый, -
Мой час долгожданный настал!».

По городу двигались танки
с пехотой на крепкой броне.
Горели и виллы, и банки
в священном народном огне.

Ещё не победа, но скоро
сражён будет змей наповал.
Свершится расплата над вором,
что нагло страну обокрал.

И будет награда большою,
что примешь, быллым дорожа.
Лишь надо услышать душою
негаданный час мятежа.

* * *

Звезду задует сильный ветер.
И мгла покроет землю целиком.
Как будто я один на белом свете,
идуший по дороге босиком.

И боязно ступать, не видя цели,
лишь чутко слыша голоса вдали.
И кажется, крадутся следом ели,
что вдоль обочин в небо проросли.

Звезда, звезда, горячая, как память,
сверкни опять серебряным лучом,
чтоб вьюги обжигающее пламя
не выстудило душу нипочём!

Мне холодно. И где ночлег желанный,
где будет мне уютно и светло?
Но завывают снежные бураны.
И мглой объято дальнее село.

И, кажется, надежды больше нету.
А надо, невзирая на метель,
пробить дорогу к серому рассвету
и после выйти прямо на апрель.

Когда поют волшебные свирели
в лесу прогретом, в солнечном дыму.
Мне б только не терять из виду цели,
когда иду сквозь эту кутерьму.

* * *

Ты зачахнешь, нищая Россия, -
кто-то дал тебе такой зарок.
Кучерявый явится «мессия»,
то есть иудейский лжепророк.

Он уже с издевкой скалит зубы,
жаждущий из мрака к нам сойти.
Будут лица ласковы и грубы
тех, кого он хочет обвести.

И пойдет ведь человечье стадо
вслед за тем посланцем сатаны.
Сирий нищий, лежа под оградой,
станет горьким символом страны.

Но зато бездельники и воры
наполняют золотом ларцы.
... Только гулко лязгают затворы,
и в шеренги строятся бойцы.

Зреют в душах скорые победы.
Хоть недолго на земле гостим,
пусть не торжествуют дармоеды –
мы ведь неизбежно отомстим!

* * *

Какой уж год мертва моя страна.

Т. Глушкова

Она, и впрямь, мертва моя страна.
И флаг врага полощется зловеще.
Речь главара с телеэкрана хлещет,
как мутная тяжёлая волна.

И люди тоже будто бы мертвы.
Молчат уста, заклеенные страхом.
Лишь вор нахальный действует
с размахом.
И он не будет схваченным, увы.

Да люди что – им колбасы б поболее.
(Хотя едят – чистейший суррогат).
А кто сегодня весел и богат,
те не хотят обещанной им воли.

Всё пью вино заморского налива,
не чувствуя чужого сапога.
Была страна беспечна и болтлива.
Зато какого проспала врага!

Жила бы и жила себе Расея,
храня времён былую благодать.
Но кто-то семена вражды посеял.
А жатва не заставит долго ждать.

* * *

Опустела пыльная дорога.
Все ушли, кто провожал меня.
А судьба зовёт, как прежде, строго –
издалёка – на исходе дня.

Я иду, и нежно согревает
августа последнее тепло.
Оглянулся. Вот уж пропадает
наше поредевшее село.

Думаю: а где же моя доля?
Зря я, что ли, мир исколесил?
На краю соломенного поля
кто б меня навек похоронил.

Я устал, и больше мне не надо
ни разлук, ни новых тёплых встреч.
Мой покой за памятной оградой
будет птица вольная стеречь.

Да осины б рядом шелестели
на ветру дрожащею листвою.
И дорога, что манила к цели,
оставалась бы всегда живой...

Пропадёт во времени неверном
мой последний и печальный след.
Я вернусь сюда ещё, наверно,
только поздно – через тыщу лет.

ОСЕНЬ

Мы почти не заметили лета.
И сегодня едва рассвело.
Словно серая сетка надета
на притихшее наше село.

Так впервые – ни плача, ни смеха.
И вдали не слышать журавлей.
Только память и долгое эхо
над просторами скудных полей.

Так темно за пустынным сараем!
И промокли его косяки.
Стылый ветер осокой играет
у моей одинокой реки.

Не надейся, пока на пороге,
что твоя ещё светит звезда.
Не окликнет никто на дороге,
когда ты побредёшь в никуда.

Жизнь ты прожил один, как в неволе.
А сегодня – свободен, иди!
Как идти незасеянным полем?
Да ещё – ледяные дожди.

И придёшь, неизвестно куда ты.
Будет мрак и чужие огни.
Неужели всё это – расплата
за когда-то счастливые дни?

* * *

Отсверкали над лесом зарницы.
И судьбу не заметили мы.
Нам трубят перелётные птицы
час разлуки и скорой зимы.

Слышишь – звуки тревожно
всплывают
и опять пропадают в глуши?
Не горюй, не меня отпевают
на помин моей грешной души.

Не гляди отрешённо с порога
в даль, где тихо гудит благовест.
Это я по холодным дорогам
понесу твоё имя, как крест.

И не надо приметы, как знака.
Это мне, уходящему вдаль,
будут ветры бездомные плакать
и стелить свою вьюжную шаль.

А когда все закончатся сроки,
где-то там, на задворках миров,
я припомню твой дом одинокий
в окружении серых дворов.

И когда перестану гореть я,
потеряв изначальный свой след,
долетит до меня сквозь столетья
чистый твой, нескончаемый свет.

* * *

Помню лестницу, тот сеновал.
Звёзды августа, крупные, яркие.
Я к зазнобе всю ночь приставал
и стремился в объятия жаркие.

А на крыше сидел воробей
и зачем-то тихонько насвистывал.
- Без женитьбы нельзя – хоть убей!
А я сладкие губы выискивал.

Ах, ты, милая, я ж в сельсовет –
хоть сейчас, и мы станем законными.
А над рощей был бледный рассвет.
И гремели на ферме бидонами.

- Всё, пора уходить по домам! –
Встала, платье тугое поправила.
Ночь вдвоём, и судьба пополам –
это есть деревенское правило.

2013

* * *

После проводов он вернулся к себе в дом.
От скуки принялся рассматривать комнату,
примечая на стенах каждую отметину,
каждый гвоздь, вбитый в дерево.
«Что же изменилось, - растерянно
думал он, - Не может быть, чтобы ничего
не изменилось...»

Но в доме всё осталось по-прежнему.
Только одна пустая стена
ему что-то мучительно напоминала.

* * *

Потемнеют по осени склоны.
И дожди ледяные польют.
Всё пройдёт. Колокольные звоны
и меня поутру отпоют.

Подспеет мой час неурочный.
Я оставлю земные дела.
В небесах встретит матушка, точно, —
та, что с детства меня берегла.

И любимая, знаю, с цветами
за ограду придёт помянуть.
Постоит, погрустит под ветвями,
вспоминая мой жизненный путь.

И пойдёт одиноко с погоста
по раскисшей дороге в село.
Жаль её. В этом мире непросто
доживать, когда счастье ушло.

Не горюй, не печалься, родная,
мы с тобой ещё встретимся там,
где стезя протянулась иная
от звезды до звезды сквозь туман.

Разминуться - никак невозможно
в небесах, где расступится мгла.
Только жаль, в этом мире тревожном
я дарил тебе мало тепла.

Пусть холодного ветра порывы
рвут рассветы в полях, провода.
Я уйду без тоски, без надрыва,
как положено, навсегда.

* * *

Провожая Сашку на велосипеде.
Он задумчив и совсем не рад.
Сашка на автобусе уедет
в город Бежецк, в детский интернат.

Августа конец. И золотые пряди
тянутся в небес голубизну.
Брата – жаль. А мать чего же ради
отдала в чужую сторону?

Нам же наша родина милее.
Где отыщешь лучшие края?
Рано мы, печальные, взрослеем
под нелёгкой ношей бытия.

Вот автобус белый забирает
Сашку. Он уже глядит в окно.
Тронулся... И сердце замирает.
Счастье новой встречи – где оно?..

Улеглась давно печаль-тревога.
Я седым и одиноким стал.
Только не забудется дорога –
та, которой Сашка уезжал.

2012

* * *

Простишься ты, и час настанет,
когда судьбу зажмёшь в кулак.
Узришь в предутреннем тумане
родной заброшенный большак.

Сдержатъ слезу не хватит воли.
(Деревню ту никто не спас).
И холодеющее поле
увидишь ты в последний раз.

В росе нетронутые травы.
Прозрачный под мостом исток.
И путь твой без надежд, без славы
пролёт на брезжущий восток.

«Ну, вот и всё, - шепнёшь раздолью. –
Спасибо, родина, тебе –
за то, что радостью и болью
всегда была в моей судьбе».

А вдруг угодно будет Богу –
вернёшься через тыщи лет?
И эту пыльную дорогу
увидишь ты сквозь Млечный свет.

Пока, волнением объятый,
пойдёшь с холма, совсем один.
А вдалеке пустые хаты
среди краснеющих рябин.

И будет в час последний, знаю,
не песнь былых времён дана,
А только вечная, сквозная
над отчим краем тишина.

2011 г.

ПРОЩАНИЕ

Уезжаю. Лето на исходе.
Ты уже простила мой отъезд.
Не горюю я пока: ведь вроде
в городе полным-полно невест.

И кричит прощально над лугами
чибис, повторяя голос твой.
Помнишь небо звёздное над нами?
Эти звёзды - увожу с собой.

Вот уж за холмом и ты осталась –
светлая, печальная навек.
Я потом смертельную усталость
испытаю, грустный человек.

Ухожу от той судьбы - не зря ли?
От судьбы, что нашей быть могла.
Мы опять друг друга потеряли.
где-то за околицей села.

А вдали туманятся отроги.
Дует ветер, памятью клубя.
Только жалко – на своей дороге
больше не найду уже тебя.

ПУГАЛЮ

Беспомощный, как ребёнок.
Не взмахнуть рукавами, не закричать,
когда по грядам, не боясь, разгуливают
вороны...

По ночам тебе ещё хуже.
Скрипнет дерево или всхлипнет
ненастье —

не убежать, не кликнуть на помощь.
Только вздрогнешь от страха
и ещё крепче прижмёшь пустые рукава
к воображаемому сердцу.
...Осенью, когда огород пуст,
ты брошен на произвол времени.
Гнёт тебя пасмурный ветер,
хлещет пронзительный дождь,
и забирается холод под ветхую
одежонку.

А ты стоишь, отрешённый, и улыбаешься
чему-то своим нарисованным ртом.

* * *

Спадут с души все тягостные сети,
когда уйдя от боли и невзгод,
вернусь в свою деревню на рассвете.
И вновь заря украсит небосвод.

Увижу земляков родные лица.
Как будто я их покидал вчера.
И подойду к колодцу, чтоб напиться
воды студёной прямо из ведра.

Шест журавля опустится со скрипом.
Черпну прозрачной жизни из глубин.
А рядом, под зелёной липой,
чета ещё молоденьких рябин.

Сюда, к колодцу, тянутся тропинки.
И люди сходятся, делясь судьбой.
Здесь жизнь спокойна, в северной
глубинке.
Струится свет над каждою избой.

Была б ещё и доля полной чашей
под крепкой крышей каждого двора.
И пусть всегда живут колодцы наши –
источник вечной жизни и добра!

* * *

Телега вдруг пошла с крутой горы –
стремительно, оглоблями назад.
Колёса всё сильнее набирали скорость,
грохоча.

И на пути – ольха. Ударилась телега,
сотряслась. Штырь выскочил,
и колесо метнулось в сторону –
искать, кого бы переехать.

Внизу компания мужчин дремала,
примяв в траве высокой тень берёзы.

Все разом поднялись –
и в стороны отпрянули,
освобождая колесу дорогу.

- А ведь могло бы... - вслед колесу
один сказал.

- Да, безусловно, - кто-то согласился.

И все опять на тень гурьбою навалились.

* * *

Туман у леса. Зеленеют ели.
Дорога в август. Задремавший лог.
Ещё тихонько свищут свиристели,
но словно кто-то лето уволок.

А я беспечно с лёгкою корзинкой
иду по грузди в нелюдимый лес.
И облако сереющей косынкой
плывёт по краю выцветших небес.

Тропинка среди пёстрой чащи.
Она ведёт на холмик моховой.
Здесь кажется, что я – пропавший,
от бытия укрытый с головой.

Ну, вот и груздь под вереском колючим,
ядрёный, белый. Вот ещё опять!
Сверкнул и солнца долгожданный лучик –
так значит, время радости сиять.

И я сияю, поиском влекомый.
Здесь непривычно тихо и легко.
Раскидистые ели, как хоромы,
вершинами уходят высоко.

Спасибо, лес, за дар уединенья,
за тихую, святую благодать,
за красоту твою, за птичье пенье,
о чём я буду долго вспоминать...

Иду обратно с ношей по дороге,
приподнимая неба кисею.
И - думаю, естественно, о Боге,
что дал мне жизнь и родину мою.

* * *

Ты зачухнешь, нищая Россия, -
кто-то дал тебе такой зарок.
Кучерявый явится «мессия»,
то есть иудейский лжепророк.

Он уже с издевкой скалит зубы,
жаждущий из мрака к нам сойти.
Будут лица ласковы и грубы
тех, кого он хочет обвести.

И пойдет ведь человечье стадо
вслед за тем посланцем сатаны.
Сирий нищий, лежа под оградой,
станет горьким символом страны.

Но зато бездельники и воры
наполняют золотом ларцы.
... Только гулко лязгают затворы,
и в шеренги строятся бойцы.

Зреют в душах скорые победы.
Хоть недолго на земле гостим,
пусть не торжествуют дармоеды –
мы ведь неизбежно отомстим!

* * *

Ты печалью меня не задень.
Я и сам эту горечь познаю.
Полюбил я огни деревень,
что сквозь воздух прозрачный
сияют.

Помню, я уходил в темноте
под тревожные звуки метели.
А вдали, на безвестной версте,
фонари ещё ярко горели.

Где-то было другое село.
Жизнь была. (А теперь – лишь руины).
И душе становилось тепло
среди снежной холодной равнины.

Нынче редко деревню найдёшь.
Власть не любит деревни России.
И теперь под метели косые –
тихой грустью меня не тревожь.

Затопила просторы страны
тьма зловещая, тьма роковая.
Сквозь неё ни черта не видны
ни проекты, ни новь молодая.

Эту тину, поди ж ты, не тронь.
Лысый кучер дороги не знает.
И, уж точно, безумный гадает:
где растянется загнанный конь?

* * *

Удержись на последнем изломе
сумасшедшей страны и судьбы.
Нам поют о потерянном доме
телеграфные в поле столбы.

Всё утрачено: громкая слава
и надежды рассеянный свет.
Лишь осталась ещё переправа,
за которой спасения нет.

Обратись в даль тревожную ликом,
где закат, догорая, погас.
Где-то вдруг торопливо и дико
птица чёрная голос подаст.

Прокричит в тишине и растает
за изгибом последней версты.
Нам Отчизна родная не станет
поминальные ставить кресты.

За мятежную искренность слова,
что сильнее любого огня,
может быть, уже пуля готова,
что однажды ужалит меня.

Упаду. И исчезнут напасти
перед светом такого конца.
Нелюбовь к несвободе и власти
обрекают на гибель борца.

Будет мрак. Будет ветер жестокий
нас сбивать на нелёгком пути.
Но светлеет уже на востоке,
чтобы красному солнцу взойти.

* * *

Этот вечер – последний, прощальный.
Завтра рано уйду по росе.
Зори августа тихи, печальны
и светлы в одинокой красе.

На завалинке старой избушки
ты плечом прислонилась ко мне.
Где же голос пугливой кукушки,
что считала года по весне?

Тишина за околицей, в поле.
Снова лето угаснет вдали.
- Поцелуй на прощание, что ли,
чтоб мы нашу любовь сберегли.

Я – целую на грани разлома,
ощущая телесную дрожь.
- Ведь к порогу родимого дома
ты ещё, ненаглядный, придёшь.

То, что ты уезжаешь, – не горе.
Ведь сюда возвратишься не раз?..
- Дорогая, последние зори
для меня полыхают сейчас.

2014

* * *

Я люблю. И отступают ночи.
Свет любви – почти нездешний свет.
С ней во мгле намного путь короче.
Знаю, без тебя спасенья нет.

Помню голос, эти губы, руки,
без чего мне невозможно жить.
Не найти забвения в разлуке.
Жажду встреч ничем не утолить.

Свет любви таинственный и чистый.
Дивный свет доходит до меня.
Как хрусталь, глаза твои лучисты,
полные небесного огня!

Жду тебя, как ночью ждут рассвета.
Голос мой несётся от земли.
Слышишь – убегающего лета
песню вдаль уносят журавли?

Пусть уносят. Жаль, конечно, стаю.
Лета – жаль, что снова отцвело.
Знай, что я давно уже мечтаю
выйти вместе за моё село.

Нам бы жить, где даль давно знакома,
где я в детстве по полям бродил.
Только нет уже на свете дома,
чтобы нас с тобой соединил.

